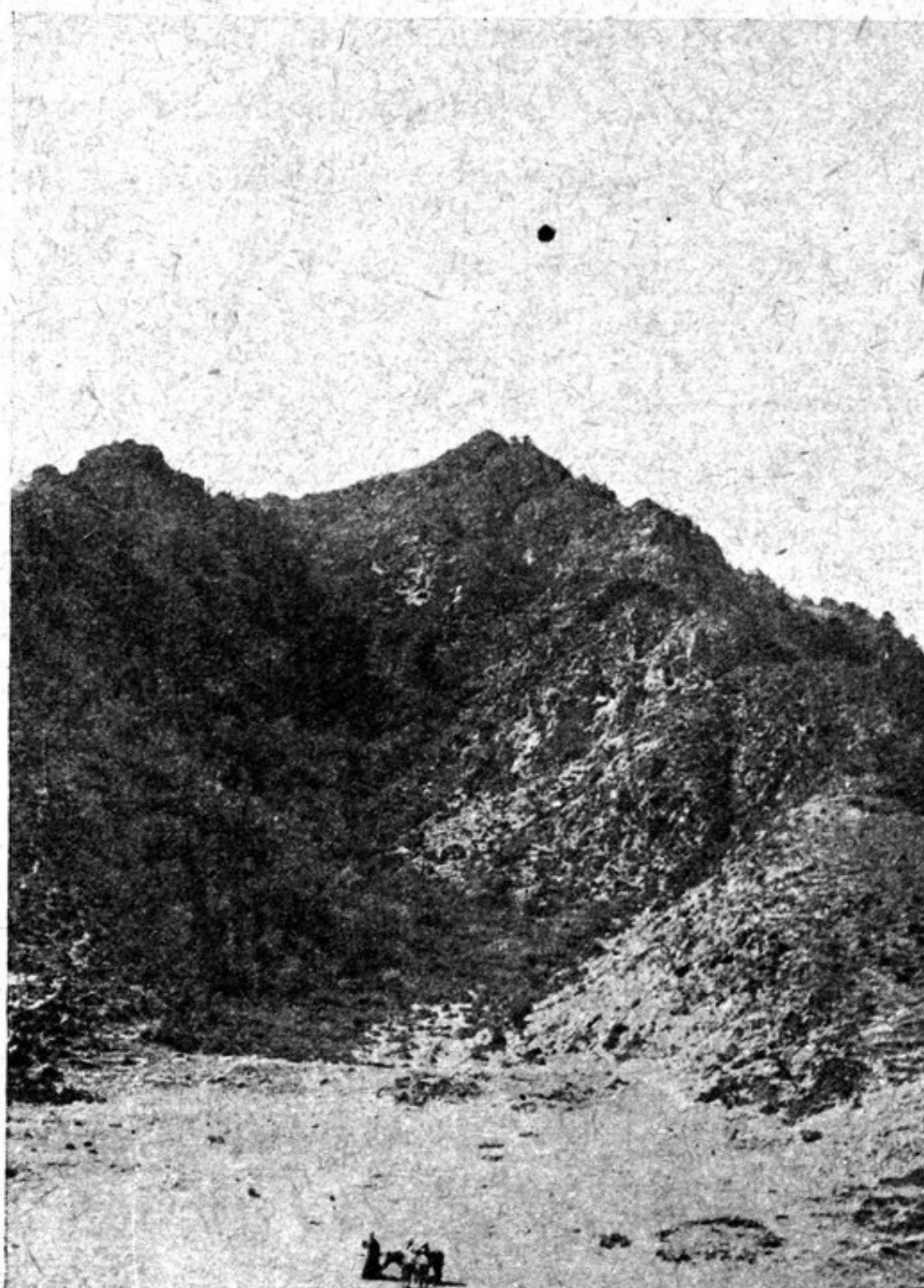

моим несравненным другом, преждевременно отошедшем в вечность. Тяжело было свыкнуться с мыслью о невозвратимой утрате такого благороднейшего человека ...

Полный грустных мыслей, я поднялся на кровлю дома, откуда открывался вид на лесной склон и долину речки Сан-чу, и погрузился в воспоминания счастливого прошлого ... Царившая кругом тишина убаюкивала душу; только изредка доносились резкие выкрики тангутов возвращали к действительности и говорили о только что пережитых волнениях и опасностях. Воинственные номады и здесь не находили покоя; с зажженными фитилями ружей, с пиками, высоко поднятыми над головою, разбойники спешили в горы, чтобы учинить кровавую расправу с своими собратьями, уворовавшими у них лошадь.

На утро следующего дня, мы не без удовольствия простились с своими амдо́скими подводчиками и, проводив их, почувствовали даже некоторое облегчение. Суровый богатырь Дунчжуб при расставании неожиданно растрогался и, поднеся мне на память хадак, произнес: «уважаю тебя, пэмбу, за то, что сумел властно заставить меня вести экспедицию в Лавран; приказание бесстрашного энергичного начальника приятно и исполнить»...

Тихо, безмятежно потекли дни пребывания экспедиции в буддийской обители. Всё интересовало нас, везде мы находили много любопытного для наблюдений. Но больше всего, конечно, нас занимала великая буддийская святыня — Лавран, к описанию которой теперь мы и приступим.

Окрестное Лаврану боковое ущелье (вверх и слева) по Сан-чу.

